

УДК 94(47).083(908)

Зайцева А.А.

**Историко-культурный образ традиционной семьи:
богородские купцы Куприяновы
(Часть 2)**

Аннотация. Статья основана на воспоминаниях представителей трех поколений купеческой семьи Куприяновых из города Богородска Московской губернии (ныне Ногинск Московской области). В воспоминаниях нашли отражение история и жизненный мир этой традиционной купеческой семьи, ценности которой явились ресурсом духовного и социального развития нескольких поколений Куприяновых.

Ключевые слова: культура, семья, русское купечество, традиционные ценности, повседневность, православие, семейный культурный капитал

На рубеже XIX–XX вв. в связи с ростом социальной напряженности как в самой церкви, так и в обществе, духовный кризис, разочарование в вере и упрощение культа охватили все слои русского общества. Во время церковных праздников все более доминировала досуговая составляющая и сакральное сливалось со светским [46]. Об этом очень показательно рассуждает Ф. С. Куприянов, описывая Вербный базар на Красной площади, где вместе с атрибутами церковного праздника продавали всякую всячину [47].

На этом фоне подлинная вера семьи Куприяновых относилась их к категории лиц, для которых было характерно высокое духовное измерение бытия. Их вера получала воплощение в повседневном образе жизни и практическом поведении. С. Г. Куприянов, как и его отец Григорий Дмитриевич,

Храм Тихвинской иконы Божией Матери. 1846–1888 гг.
Современный вид.

был старостой Тихвинской церкви (Рабочая ул. 2). Лежащий в ее основе кладбищенский храм строился на частные пожертвования в 1846-1848 гг. по одному из «образцовых» проектов К. А. Тона. В 1871 г. к нему была пристроена небольшая трапезная, а в 1874-1876 гг. возведена вместо деревянной каменная в три яруса колокольня [48]. В 1887-1888 гг. на месте частично разобранной тесной трапезной городским архитектором И. М. Васильевым, выпускником Строгановского училища и знатоком русского православного искусства, была сооружена более обширная новая с двумя приделами в старорусском стиле – северным Сергиевским и южным Никольским. Сложился архитектурный комплекс элементы которого получили индивидуальную трактовку форм псевдорусского стиля.

Это было сделано в бытность С. Г. Куприянова церковным старостой. Должность была хлопотная, требовала затрат времени и больших денежных средств, обычно на эти должности приход выбирал людей состоятельных и ответственных. На устройство приделов С. Г. Куприянов собирал пожертвования, подчас дополняя их из собственных средств. Как пишет Н. И. Якушева, задумывая расширение небольшой кладбищенской церкви, С. Г. Куприянов «хотел выразить в строительстве свое восхищение древнерусским искусством». Для этого они с архитектором И. М. Васильевым объехали несколько славившихся красотой церквей Ярославской, костромской и Вологодской губерний. По рисункам Васильева были выполнены утварь, паникадила и вся резьба. «Стилизация интерьера превратилась в настоящее произведение искусства и поражала величием и благородством. Особенное впечатление производило паникадило крест, висевшее по оси церкви». Он состоял из стеклянных квадратов в металлической узорчатой оправе. По углам квадратов было более двухсот лампад, освещавших изображения святых на стеклах. Лампады зажигались вручную с высокой лестницы. Крест производил впечатление парящего в воздухе [49]. Ф. С. Куприянов также отмечает, что «когда в темном храме зажигали это паникадило, как будто парящее в вышине, это было нечто несравненное, волшебное и величественное». По случаю освящения Сергиевского придела, как пишет Ф. С. Куприянов, после торжественной службы и пения Чудовского хора в саду дома Куприяновых было организовано грандиозное угощение на 100 с лишним персон [50].

В настоящее время эффектная отделка интерьеров в русском стиле и росписи травным орнаментом утрачены. Стены оштукатурены и побелены [51].

Тихвинскую церковь посещало много народа не только из Богородска, но и из окрестных деревень. В цокольном этаже церкви было устроено помещение для отдыха, затем С. Г. Куприянов открыл там бесплатную столовую для малоимущих и учеников церковно-приходской школы. Церковно-приходская школа при Тихвинской церкви была построена на средства пот.поч.гр. П. Ф. Елагина и других благотворителей и открыта в январе 1887 г.; С. Г. Куприянов стал ее попечителем. Как известно, церковно-приходские школы, активно насаждаемые обер-прокурором Синода К. П. Победоносцевым, призваны были усилить церковность в обществе и религиозные начала в народном образовании, воспитав истинных чад церкви и верных граждан Отечества.

В своей речи, произнесенной на открытии школы, С. Г. Куприянов обратил внимание на роль родителей и семьи в воспитании «христианского ребенка». Краеугольными камнями такого воспитания С. Г. Куприянов считал искреннее благочестие отца и матери, их молитву, трудолюбие, повиновение старшим, заботу о младших членах семьи, соблюдение церковных таинств, любовь к чтению Слова Божия и полезным наукам [52]. Глубокая вера родителей Куприяновых, которые в посещении церкви видели не обязанность, а потребность и духовное удовлетворение, играла главную роль в религиозном воспитании детей. Н. И. Якушева пишет, что горожане удивлялись, почему С. Г. Куприянов и Н. А. Куприянова во время войны не молятся специально о спасении своих сыновей-воинов. С. Г. Куприянов отвечал, что на всякой войне бывают убитые, поэтому устраивать молебны о благополучии своих сыновей значить, хоть и не умышленно, но переложить несчастья на их соратников [53]. При такой укорененности религиозного сознания в семье вера детей была глубоко прочувствованной и естественной. Расположенная в 300 м от дома Тихвинская церковь стала для них вторым домом. Много страниц воспоминаний Ф. С. Куприянова и Н. И. Якушевой посвящены службе в ней и жизни прихода. Приход был формой традиционной для России организации общества, здесь происходило повседневное соприкосновение с православной традицией, соединение религиозного и социального. В приходе же разворачивалась основная религиозно-просветительская деятельность священника.

Настоятелем Тихвинской церкви был А. Успенский, он же преподавал Закон Божий в богородском городском училище; был почитаем прихожанами за глубокую религиозность и прямоту. Большое впечатление на Ф. С. Куприянова производил проповедник дьякон Н. Н. Троицкий, «артист слова», читавший «правила» перед исповедью. Проповедь вообще была главным средством воздействия на прихожанина, она призвана была формировать сознание в соответствии с религиозно-нравственными канонами. Н. Н. Троицкий так читал «правила», что, как пишет Ф. С. Куприянов, невольно почувствуешь себя великим грешником [54].

Большое значение для жизни прихода имела фигура церковного старосты, имевшая особый статус и престиж. Староста обеспечивал реальное бытие храма не просто как культового сооружения, а как живого духовного центра, объединяющего прихожан [55]. С. Г. Куприянов пользовался большим уважением среди прихожан. Ф. С. Куприянов ярко описывает подготовку к церковным праздникам, организуемым его отцом [56].

При такой обстановке в приходе дети Куприяновых служб в церкви не пропускали, наравне со взрослыми принимали участие в богослужениях. Ф. С. Куприянов пел на левом клиросе, ходил в церкви с кружкой, прислуживал в алтаре, а также был хоругвеносцем [57]. Эти различные формы религиозной жизни постепенно формировали стройную систему нравственных принципов. Описания Ф. С. Куприяновым богослужений в церковные праздники наполнены большим внутренним чувством, а переживания самого автора свидетельствуют о том, что религия воспринималась им как способ познания себя и своих поступков [58]. Столь высоко осознанное восприятие религии осталось у Ф. С. Куприянова на всю жизнь [59].

В отличие от значительной части прихожан, которые в условиях падения авторитета церкви в конце XIX – начале XX вв. оставались скорее пассивными восприимчивыми церковных обрядов [60], Куприяновы ощущали себя полноценными участниками приходской жизни и, продолжая следовать церковным канонам, сохраняли церковные традиции. Православные религиозно-этические установки являлись стимулирующим фактором их общественного поведения.

Характерная для Куприяновых этика религиозного и социального служения была тесно связана с проблемой самоидентификации. Как уже было сказано, к концу XIX – началу XX вв. в сознании передового купечества уже утвердились представления, связанные с осмыслением своего места в обществе, своей социальной ответственности перед ним, выражавшиеся в развитии общественной инициативы и благотворительности. Основными факторами, способствовавшими этому, являлись крестьянское происхождение, религиозные верования, государственнический идеал. Но первоначально процесс идентификации проходит через саморефлексию и формирование чувства собственного достоинства, о чем свидетельствует появление в начале XX в. воспоминаний, вышедших из-под пера представителей купечества [61]. Потребность в утверждении социальной идентификации особенно возрастает в период социальных потрясений, радикальных изменений в жизни общества. Подобную закономерность мы наблюдаем у С. Г. Куприянова. Н. И. Якушева пишет, что после событий 1917 г., когда у Куприяновых был национализирован завод и отобран дом, С. Г. Куприянов гостил у сыновей в подмосковных Озерах, где те работали на фабрике. Здесь С. Г. Куприянов продолжал начатые ранее на даче в Салтыковке воспоминания детства, где описывались такие сюжеты как проведенный в родительском доме день, встреча иконы с крестным ходом в Рождество: «Они проникнуты были таким теплом и благодарностью к тому хорошему, душевному, что было в жизни, что, словно бы, излучали свет. Воспоминания эти так волновали его (может быть и по контрасту с жестокостью и холодностью текущего времени), что доводили до слез» [62]. Факт работы над воспоминаниями свидетельствует о том, что в период бурных социальных катаклизмов С. Г. Куприянов пытался

Семья Сергея Григорьевича Куприянова. Фото А.Н.Милославова.
Источник: all-photo.ru

найти опору в традиционной системе ценностей, привитых в детстве – семье, доме, вере.

Историко-культурный облик купечества неразрывно связан с семьей, которая сама по себе являлась для него непреходящей ценностью. Семейные ценности наряду с религиозными служили стержнем всей иерархии ценностей купечества и в наибольшей степени были подвержены патриархальности и традиционности.

Как уже было сказано, купеческую семью характеризовала иерархичность отношений, необходимая для сохранения устойчивости и стабильности рода. Глава семьи отвечал перед государством и церковью за свою семью. Женщине отводилась роль хозяйки дома, хранительницы семейного очага и воспитательницы детей. Дети в этой системе занимали

подчиненное положение и низшие ступени семейной иерархии; в них видели продолжателей семейного дела и опору в старости. Авторитет родителей, освященный вековыми традициями, был непререкаем и не подлежал обсуждению.

Семью Куприяновых, в отличие от многих купеческих семей, где царила тяжелая атмосфера полного авторитаризма и произвола, отличали уважительные и доверительные отношения между ее членами. Сергей Григорьевич и Надежда Анисимовна пользовались у своих детей абсолютным доверием. Они принадлежали к той категории родителей, которые воспитывали детей примером своей жизни [63]. В детях вызвали уважение выдержка, такт родителей, глубина их веры и активная позиция в делах общественных. Н. А. Куприянова, как и С. Г. Куприянов, занималась благотворительностью – с началом Первой мировой войны организовала столовую на 60 бедных детей, отцы которых воевали, и руководила ею, потом была в числе основных организаторов госпиталя для раненых [64]. Дети очень ценили, что родители относились к ним с большим уважением [65].

Почитание старших вообще было непреложным законом в патриархальной семье. В семье Куприяновых таким почтением пользовался «дедушка Анисим Федорович», уже упоминавшийся А. Ф. Елагин, отец Н. А. Куприяновой. Визиты ему считались обязательным ритуалом, хотя, как пишет Ф. С. Куприянов, дедушку «мы не очень любили, ...он был суховат, и дети это быстро чувствовали» [66].

Весь строй русского общества снизу доверху был пронизан патриархальной семейственностью, начиная от царской и кончая крестьянской. В традиционном обществе все государство мыслилось как единая громадная семья, во главе которой был монарх [67]. Не случайно в комнате А. Ф. Елагина висели две картины в золоченых рамах, которые запомнились Ф. С. Куприянову. Одна из них была религиозного содержания – на ней были изображены Бог Отец, Иисус Христос и Божья Матерь, а на другой – Александр III, Мария Федоровна и наследник Николай [68] – символы патриархальной семейственности, традиционности и устойчивости.

Велик был авторитет в семье старшего сына, который как первенец мог заменить отца в случае непредвиденных обстоятельств и принять на себя все заботы о семье. Старшего брата Сергея, который уже работал на фабрике в Орехово, Ф. С. Куприянов называл по имени-отчеству – Сергей Сергеевич. Во время своей учебы в Москве в училище Ф. С. Куприянов проходил там практику под руководством старшего брата [69].

Круг малой купеческой семьи (родители и дети) был связан с широким кругом ближних и дальних родственников, образуя вместе большую патриархальную семью. Поддержание родственных межпоколенных и горизонтальных связей было одним из защитных механизмов семьи и способов ее существования. Повседневный быт семьи требовал тесного общения ее членов. Семья была соединена с этой большой общесемейной средой множеством разнородных жизненно необходимых связей делового, воспитательного, эмоционального характера. Это обеспечивало преемственность в делах, помогало встроиться в социальную иерархию, утверждало связь с

прошлым, укрепляя тем самым родовое самосознание. В купеческой среде громадное социальное значение имела репутация рода, семейного клана; ведь честь члена семьи зависела от репутации, как и наоборот. Родовое самосознание, сословная гордость среди купцов были одним из необходимых условий самоидентификации. С. Г. Куприянов очень высоко ценил репутацию своего рода, фамилии. В одном из разговоров с Ф. С. Куприяновым он сказал, что «поскольку сыновей много, то нехорошая слава одного могла бы бросить тень на остальных и на всю семью. Кто же там будет вспоминать о каком брате идет речь. Скажут, знаем мы этих Куприяновых!» Но сыновья не давали таких поводов. Как пишет Ф. С. Куприянов, у пятерых братьев Куприяновых, обучавшихся в Комиссаровском училище, была хорошая репутация, благодаря чему им позволялось несколько больше, например, пойти вечером в театр и вернуться поздно [70].

На страницах воспоминаний Ф. С. Куприянова и Н. И. Якушевой мы встречаем широкий круг близких и дальних родственников разного свойства, находившихся в тесном и постоянном общении между собой [71]. Самый большой съезд гостей у Куприяновых бывал в престольный праздник Тихвинской иконы Божьей матери 9 июля. Одних двоюродных и троюродных собиралось около 30 человек. Как пишет Н. И. Якушева, кто-то подсчитал выстиранное рослее одного праздника и развешанное для просушки белье. Оказалось 60 простыней и 96 полотенец. Когда остался в живых последний из большой семьи, Куприянов Федор Сергеевич, к нему в Москву в Берников переулочек, и на дачу, на 42 км Московско-Рязанской железной дороги, сходились в течение дня до 30-35 человек [72].

Каждый из этих многочисленных родственников сыграл ту или иную роль в жизни Ф. С. Куприянова; о каждом из них он составил свое определенное мнение, наблюдая их поведение, что давало ценнейший жизненный опыт. Вообще визиты к родственникам составляли часть семейного этикета, поддерживающего родственные узы и сплачивающего семейное сообщество. Ритуал посещений был предопределен и осуществлялся в определенное время года, задававшееся церковным календарем [73]. Общение со старшим поколением родственников имело скорее воспитательное значение, о чем будет сказано ниже. Отношения же с молодежью преследовали другие цели – веселое времяпровождение, отдых, развлечения [74]. Все вместе это формировало жизненный мир, учило ориентироваться в обществе.

* * *

Процесс воспитания и образования принадлежал в купеческой среде в конце XIX – начале XX вв. к той сфере, где тесно переплеталось старое и новое, традиционные подходы и тенденции, отражавшие повышение значения образования среди купечества. Много при этом заимствовалось из дворянской культуры. Семья менялась и все более открывалась миру. В конечном итоге все определялось теми целями и задачами, которые ставили родители в отношении воспитания детей.

Куприяновы принадлежали к просвещенной части купечества, не только осознавших значение образования, но и деятельно способствовавших этому процессу. Домашнее воспитание и образование были широко распространены среди купечества, которое следовало в этом традиции, принятой в дворянском сословии. Куприяновы выбрали для своих одиннадцати детей этот вариант как предпосылку для получения дальнейшего образования.

Саша Куприянов с няней.
Куприянов Александр Сергеевич (1883-1910)
сын С. Г. Куприянова.
Фото Бутаева С. 1880-е гг.

Источник: all-photo.ru

С самого раннего детства дети попадали в руки няни. Няня в русских дворянских и купеческих семействах всегда играла особую роль. Простая женщина, окружавшая своих питомцев заботой, любовью и лаской, делила со всей семьей ее радости и горести, превращаясь по существу в члена семьи. Ф. С. Куприянов рисует в воспоминаниях почти классический образ няни [75]. Из рук няни дети переходили на попечение гувернантки, очень часто иностранной. Среди купечества, охотно ориентировавшегося на практичных немцев, было распространено приглашать именно немецких гувернеров и гувернанток [76].

У Куприяновых гувернанткой была рижская немка Эмма Васильевна Гааке [77]. Обучение не отделялось от образования, основными принципами этого единого процесса были порядок, дисциплина, обязательное выполнение всех обязанностей, система наказаний и поощрений. В программу занятий входили знания по предметам, чтение, обучение музыке, танцам, гимнастике, подвижные игры на свежем воздухе – все эти элементы сближали купеческое воспитание с дворянским. Для маленьких детей в семье выписывался журнал «Малютка» с приложением в виде переводных картинок. Первые навыки музыкального образования дети Куприяновых получили в церковном хоре; Ф. С. Куприянов в детстве учился играть на рояле, неплохо танцевал. Н. С. Куприянова, старшая сестра Надя, также хорошо играла на рояле [78]. Важное место в системе воспитания в купеческих домах занимала физическая подготовка – гимнастика, теннис, подвижные игры [79]. Воспитание и образование, сливаясь воедино, составляли по существу образ жизни, игры способствовали выработке трудовых навыков [80].

В купеческую среду проникают тенденции, касающиеся необходимости гимназического образования для девочек. Традиционной родительской обязанностью было подготовить дочерей к выполнению роли жены, хозяйки, матери. Как пишет Н. И. Якушева, старшая дочь Куприяновых Н. С. Куприянова с десяти лет обязана была выполнять все хозяйственные распоряжения своей матери, тем не менее, пройдя гимназический курс с гувернанткой, поступила в Москве в два последних класса гимназии ведомства императрицы Марии Федоровны [81].

Существование в системе семейной иерархии предполагало выполнение детьми определенных устоявшихся правил и требований – четкий распорядок дня, внутренняя дисциплина, порядок,

раздельное проживание родителей и детей, почитание родителей и старших, существование нравственных запретов, раннее приобщение к делу и самостоятельности [82].

Детей в семье окружало много взрослых разного возраста, сословной принадлежности, уровня образования, характера, каждый из которых играл свою роль. Это само по себе имело воспитательное значение [83]. В семье Куприяновых в повседневной жизни дети сталкивались с представителями народной среды – прислугой, сторожами, кучерами, конторщиками, рабочими фабрики. По большим праздникам в доме бывали влиятельные лица из местного дворянства, купечества, духовенства, представители интеллигенции [84].

В домашнем кругу был получен первый опыт социализации, хотя круг этот, как признавался Ф. С. Куприянов, был довольно замкнутым. Это особенно почувствовалось, когда пятеро сыновей Куприяновых поступили в Комиссаровское техническое училище в Москве. Кипевшая вокруг бурная жизнь требовала углубления знаний. Купечество все более ориентируется на профессиональную подготовку своих детей и получение ими специальности. Комиссаровское училище было старейшим техническим училищем, которое в начале XX века занимало лидирующее положение в ряду средних профессиональных учебных заведений. Оно готовило техников, способных замещать на небольших предприятиях инженеров, умеющих «усвоить ремесло больше головой, чем руками» [85].

Дисциплина в училище и распорядок занятий были очень напряженными, но в то же время за семь лет учебы получили развитие умения, приобретенные ранее. Но самое главное – в среде купечества появилось стремление к саморазвитию и самосовершенствованию – тенденция, выходящая за рамки традиционной системы образования. Окружающая городская среда, особенно столичная, предоставляла для этого широкие возможности – на рубеже веков досуг становится все более общественным, публичным.

Повсеместное увлечение спортом и физической подготовкой нашли свое отражение в широком распространении среди молодежи занятий гимнастикой – движении сокольства [86]. Ф. С. Куприянов, помимо учебных занятий в училище, вступив в гимнастическое общество «Сокол», дополнительно ходил в гимнастический зал Александровского коммерческого училища [87].

Купечество не обошло стороной, конечно, повальное увлечение театром; любительские спектакли были самым модным развлечением. Ф. С. Куприянов ходил в Москве не только на театральные и оперные постановки, но и подрабатывал статистом в известных московских театрах – Солодовникова, Зимина, Малом и Большом. Приезжая домой в Богородск на каникулы, он организовал домашний театр, в котором участвовали родственники и друзья [88]. Большое влияние, как пишет Ф. С. Куприянов, на его «внутреннее воспитание и образование» оказали Благотворительные концерты в Благородном собрании. Их устраивали московские училища и «собирали цвет московской молодежи»; здесь пели Петрова-Званцева, Нежданова [89].

К своим «невольным воспитателям» Ф. С. Куприянов относил дядю по линии матери Сергея Анисимовича Елагина «с тетей Маней Алексеевной», живших на Чистопрудном бульваре в Москве. Дядя был хозяином амбара на ул. Ильинке. Во время учебы в Комиссаровском училище Ф. С. Куприянов часто бывал у них в гостях. Дядя любил посмотреть новинки, выставки, кукольные театры. Вместе с Ф. С. Куприяновым по воскресеньям после обедни и парадного чая они ходили на выставки передвижников, рукоделий московских дам, на представления гастролирующего кукольного театра, а также на народные гулянья на Трубном рынке, на куриные и собачьи выставки [90].

Эти походы – свидетельство трансформации культурных и досуговых интересов горожан, в том числе купечества. Начало XX века – время зарождения массовой культуры, когда повседневная жизнь становится все более публичной, а различные формы досуга коммерциализируются. Культурные новации гораздо легче, чем ранее, находили публику, деньги, потребительский рынок. Характерно, что традиционное для купечества сакральное воскресное времяпровождение (посещение обедни) сочеталось с культурным досугом самого разного характера. Здесь очевидно стремление и к интеллигентным формам досуга (посещение выставок передвижников), и интерес к развлекательным зрелищным мероприятиям, рассчитанным на непритязательный обывательский вкус.

Эта постепенная смена культурно-досугового типа отвечала общей тенденции начала XX в. – «шел процесс выработки нейтрального общепринятого типа поведения, называемого обычно правилами для человека «воспитанного», «культурного», «цивилизованного», «светского», «интеллигентного». В эти правила вошли нормы, выработанные как дворянской, так и разночинной средой. Новый тип поведения предполагал нейтрализацию сословных и региональных признаков в речи, манере держаться, одеваться, вести себя в гостях и т. д.» [91].

Этот новый тип поведения как нельзя лучше характеризуют следующие рассуждения Ф. С. Куприянова. Он полагал, что в его «внутреннем эстетическом формировании большую роль сыграли семьи» уже упоминавшегося Сергея Анисимовича Елагина «с тетей Маней Алексеевной» и «тети Веры Анисимовны» – сестры матери Ф. С. Куприянова Н. А. Куприяновой (Елагиной). «В этих семьях, – пишет Ф. С. Куприянов, – я узнал, что такое порядок, уважение во взаимоотношениях, дисциплина, изящество и благородство. Мы были ребятами, а тетя Маня обращалась с нами, как с равными. Это заставляло подтягиваться и думать о том, что говорить и делать». На Ф. С. Куприянова большое впечатление производили и красиво накрытый стол, и непринужденность беседы за столом, и литературные дискуссии, которые «давали какое-то направление, знакомили с писателями ...и невольно все это откладывалось в голове «на полочку» [92]. Речь в данном случае идет о сознательном усвоении при помощи системы воспитания молодым поколением купечества интеллигентного стиля поведения. Понятия нравственной дисциплины, благородства играли в таком мировоззрении значительную роль. Характерно, что еще в детстве детям Куприяновым, как отмечает Ф. С. Куприянов, не

дозволялось кататься на каруселях, стоящих в Богородске на базаре, ввиду неблагородства этого занятия [93].

Вместе с тем растущая публичность досуга не отрицала необходимости приватного, частного, домашнего. Понятие дома имело для купечества особое значение и принадлежало к числу наиболее традиционных ценностей, объединяющих семью и символизирующих преемственность рода. Дом являлся не только жилищем, мерилom общественного положения, свидетельствовал о богатстве, но и отражал определенные взгляды своих хозяев [94].

Семья занимала исключительное место в системе жизненных ценностей купечества, представляя собой единое хозяйственное, социальное и психологическое пространство. Основанная на устойчивости повседневности, она давала каждому члену семьи ощущение опоры, стабильности, уверенности в себе и окружающем мире. Эти принципы сыграли свою позитивную роль в процессе адаптации членов семьи к новой реальности после крутых социальных перемен 1917 г. Тесное межродственное общение, система личностных связей помогли Куприяновым в 1920-х годах адекватно социализироваться и встроиться в советские структуры. Старший брат Сергей Сергеевич Куприянов переехал в Москву, где был членом правления треста «Техноткань». Один из старших братьев Алексей Сергеевич Куприянов после работы механиком на частных фабриках в Озерах также стал в Москве одним из ведущих сотрудников управления текстильной промышленности ВСНХ. Владимир Сергеевич Куприянов работал в составе ведущего технического персонала на строительстве Каширской электростанции. Автор воспоминаний Ф. С. Куприянов в начале 1920-х годов был заведующим производственным отделом треста «Обновленное волокно» [95] .

Главным же фактором, способствовавшим социальной адаптации, была трансмиссия семейного культурного капитала, заключающегося в укорененности важнейших жизненных ориентиров, ценностей и амбиций [96]. Несмотря на утрату состояния и потерю социального статуса младшее поколение Куприяновых сохранило свой интеллектуальный потенциал и стиль повседневной жизни. Традиционные ценности в сочетании с полученными знаниями трансформировались в новых условиях в профессионализм и ответственность, позволив занять высокие статусные позиции. Индивидуальный социальный опыт концентрировался в жизненные стратегии, основанные на системе ценностей, заложенных в семье.

Соединение макро и микро подходов в исследовании социальной роли купечества и его историко-культурного облика позволяет связать мировоззрение и поведение этого сословия с масштабными экономическими и социальными изменениями, происходившими в России в конце XIX – начале XX веков. Пример богородского купечества показывает, что основной тенденцией общего процесса эволюции этого социального слоя было усиление его влияния на развитие экономики, инфраструктуры, общественной и культурной жизни города. Этот процесс не был прямолинейным, будучи опосредован ценностным, мотивационным обоснованием экономического развития.

Для менталитета купечества была характерна антиномичность, включающая в себя самые разные составляющие – сакральную и рационалистическую, традиционалистскую и новационную. Купечество несло на себе культурные и бытовые традиции тех сословий и социальных групп, из которых оно происходило. Для конца XIX – начала XX вв. можно говорить об определенных чертах и устойчивых характеристиках культуры купечества, истоки которой лежат в сложных и противоречивых процессах формирования этого сословия в недрах традиционного патриархального общества. Исследователи справедливо подчеркивают, что культурные сдвиги в истории купечества происходили довольно медленно, на протяжении жизни не только одного человека, но и многих поколений. Ценности становились внутрикультурными после довольно длительного историко-культурного отбора. Это определяло изначальный консерватизм культуры и ее носителей [97].

К концу XIX – началу XX вв. в сознании просвещенного передового купечества утвердились представления, связанные с осмыслением своего места в обществе, своей социальной ответственности перед ним. Это свидетельствовало о формировании у купечества сословного самосознания, непосредственно связанного с проблемой самоидентификации. Формирование общих черт самосознания было составной частью процесса консолидации купечества в единое сословие. Социальная идентичность в свою очередь определяет социальное поведение.

Процесс самоопределения купечества наложился на духовный и социальный кризис рубежа веков, который сопровождался пересмотром старых ценностей и поиском новых жизненных ориентиров. В этих условиях на первое место выдвигалась проблема соотношения экономических, общественных, сословных, семейных и личных ценностей. Нарушение хотя бы одного из звеньев этого процесса влекло за собой сбой в работе всей системы.

Механизм трансляции традиционных ценностей в экономической и социальной сферах стал разрушаться. Прежняя традиционная система ценностей, ориентированная на устойчивые производственные отношения и социальные связи, выработанные предшествующим социокультурным опытом, входила в явное противоречие с новыми технологиями. История разорения Куприяновых – яркий тому пример. Эта купеческая семья как локальная микроструктура отразила все многообразие противоречивых тенденций рубежа веков – традиционность и консерватизм общественного сознания основной массы населения, патриархальность быта и нравов, с другой стороны, нарастание динамизма и темпов общественной жизни, нивелирование сословных различий, активизация социальной мобильности, повышение престижа образования. Трансформирующаяся социальная среда изменяла мировоззрение, образ жизни, поведенческие стереотипы купечества.

В лице купеческой семьи Куприяновых мы находим субъективный опыт переживания социально-исторического процесса. Изучение жизненного уклада купеческой семьи в контексте повседневности позволяет проследить эволюцию социального облика купечества, основанную на ценностном мировосприятии.

Поведение старшего поколения Куприяновых при всей предпринимательской активности определялось традиционным сознанием и устойчивыми стереотипами жизнедеятельности, при том, что их образ жизни все более соответствовал дворянскому. Эта противоречивость культурного облика заметна и в стирании внешних проявлений социальных границ. Характерно, что представитель четвертого поколения рода Куприяновых С. И. Якушев, увидев еще в детстве своих предков на фотографиях в «красивой старинной одежде и крахмальных манишках», именно по этому признаку «зачислил их в аристократы» [98]. Молодое же поколение Куприяновых ориентировалось на получение знаний, профессионализм, возможность самореализации и самосовершенствования, на внесловные, интеллигентские, культурные формы общения и поведения. Это поколение по стилю жизни все более сближалось с интеллигенцией. Новые ценности приобретались в результате получения нового знания. Молодые Куприяновы собственно уже не купцы в настоящем понимании. Растущему капиталистическому хозяйству требовались инженеры – специалисты. Получив среднее специальное образование, представители молодого поколения семьи Куприяновых стали по существу наемными техническими служащими высокого уровня.

Братья Куприяновы на крыльце своего богородского дома на Нижней улице. Слева направо: Сергей, Николай, Владимир, Иван, Алексей. 1910-е гг.

Источник: all-photo.ru

В основе культуры купечества на изломе эпох лежала опора на такие традиционные установки как религиозно – нравственные и семейные ценности, государственно – монархическое начало, патернализм. Одновременно нарастание темпа жизни, фундаментальные социальные и экономические сдвиги утверждали среди купечества стремление к образованию, инициативности, индивидуализму, самостоятельности личности. Для перерастания этих новаций в традицию история не оставила времени.

* Часть 1 см.: [Культурологический журнал, 2016/1.](#)

ПРИМЕЧАНИЯ

[46] Тарасова. В. А. Церковно-общественная жизнь // Очерки русской культуры: Конец XIX – начало XX века : Власть. Общество. Культура. Т. 2. – М.: Изд-во Мос. ун-та, 2011. С. 355-356, 358.

[47] «Вербный базар был на Красной площади. Начинаясь он в пятницу на шестой неделе Великого поста и заканчивался в 4 часа в Вербное воскресенье. Половина площади, примыкавшая к Кремлю, вся была заставлена палатками. Чем там торговали трудно даже сказать, дельного-то ничего не было. Это-то и было самое интересное. Продавали с шутками и

прибаутками кое-что из съестного, но больше всего всякого изобретательного рукоделья: калейдоскопы, качающихся змей, котильонных мартышек, пищалки и прочее, что шло почти исключительно благодаря удачному названию и тому единственному дню, когда это делалось... . В Вербное воскресенье с часу дня в дальней от Кремля половине площади, ближе к Верхним рядам, начиналось катание. Здесь показывались выезды, кучера, коляски и весенние туалеты. Было очень красиво. Все три дня площадь была запружена народом, в основном молодежью. В воскресенье, как только часы на Спасской башне отбивали 4 часа, все сразу кончалось. Экипажи разъезжались, и народ расходился. Наступала Страстная неделя. В церквах начинался звон: к нам, к нам, к нам...» – *Куприянов Ф. С. Воспоминания моей юности: Детство и юность.* – М., 2003. – С. 128-129.

[48] Памятники архитектуры Московской области. Вып. 4. – М., 2009. – С. 107.

[49] Якушева Н. И. Жили-были москвичи. – М.: Изд-во МСХА, 2004. – С. 60-61.

[50] Куприянов Ф. С. Воспоминания моей юности... С. 34-35.

[51] Памятники архитектуры Московской области... С. 108.

[52] Мысли простого русского народа о том, какое ему нужно учение и просвещение, изложенные по поводу освящения и открытия церковно-приходской школы Московской губернии, при Тихвинской церкви в городе Богородске 18 января 1887 г. – М., 1887. – С. 8, 12, 13.

[53] Якушева Н. И. Жили-были москвичи... С. 39.

[54] *Якушева Н. И. Жили-были москвичи....* С. 62; *Куприянов Ф. С. Воспоминания моей юности...* С. 24.

[55] Зарубина Н. Н. Православный предприниматель в зеркале русской культуры // *Общественные науки и современность.* 2001. – № 5. – С. 107.

[56] *Куприянов Ф. С. Воспоминания моей юности...* С. 78, 79, 34, 27, 24.

[57] Там же. С. 18, 24, 31, 32, 33, 109-110, 137.

[58] Чтение канона Андрея Критского накануне Великого поста создавало у Ф. С. Куприянова особое настроение: «К службе мы ходили вместе с мамой. Ходили мы охотно, нам нравилась эта особая тишина в храме, какая-то приглушенность. Все становилось таинственным и все люди двигались по-особенному, чтобы не шуметь и не толкать. Священство было в черных ризах, освещение не яркое. Да и пение совсем иное, чем всегда... . Создавалось особое настроение. Но это было не ощущение печали и горести, а строгости, воздержания на грани испытания, самоанализа». Детское восприятие Ф. С. Куприянова сохранило ощущения во время прислуживания в алтаре: «Особенно хорошо было в алтаре за всенощной в простую субботу.

Тишина, полумрак, только поблескивают лампадки в семисвечнике да перед запрестольными иконами. Где-то сзади поют, дьякон произносит ектинью, а звуки уходят под купол и там плавают. Прислушаешься к окружающему, задумаешься о своей внутренней работе, Все умишко впитывает, растешь...» – *Куприянов Ф. С. Воспоминания моей юности...* С.20-21, 31.

[59] Уже учась в Москве в Комиссаровском техническом училище, Ф. С. Куприянов пережил «чудные мгновенья» во время всенощной в Успенском соборе, когда хор запел «Свете тихий...»: «Это было не пение, а какая-то божественная музыка, наполнявшая храм радостным ликованием, поднимавшая и уносившая ввысь от всего земного. Исчезло ощущение времени и места. По спине побежали мурашки. Я испугался упасть от головокружения, но в то же время чувствовал, что растворяюсь в окружающем... . Всякий раз, стоя в храме и слыша «Свете тихий...», я переношусь в Успенский собор , в свою юность». – *Куприянов Ф. С. Воспоминания моей юности...* С. 64-65.

[60] *Тарасова В. А. Церковно-общественная жизнь // Очерки русской культуры. Конец XIX – начало XX века. Т. 2. – М., 2011. – С. 377.*

[61] *Садков С. М. Менталитет российской деловой элиты в конце XIX – начале XX вв. – М., 2001. – С. 85.*

[62] *Якушева Н. И. Жили-были москвичи... С. 132-133.*

[63] Ф. С. Куприянов в воспоминаниях посвятил теплые слова своей матери: «Она прожила чрезвычайно трудную жизнь.всегда находила в себе силы, разум, такт и энергию, чтобы пережить все невзгоды и воспитать нас, такую ораву, всем дать образование и вывести на торную дорогу». – *Куприянов Ф. С. Воспоминания моей юности (Детство и юность). М. 2003. С. 62; Н. И. Якушева пишет о Н. А. Куприяновой следующее: «Бабушка, ловкая и быстрая на всякую домашнюю работу, веселая и обходительная с людьми, со старшими детьми была очень строга и взыскательна. В дела деда она не вмешивалась, но в доме царила безраздельно». – *Якушева Н. И. Жили-были москвичи... С. 50.**

[64] *Куприянов Ф. С. Воспоминания моей юности... С. 63.*

[65] «Мы никогда не слышали даже окрика, а ведь нас было одиннадцать душ, и мы были не ангелы. Если уж очень расшалимся, мама вызывала к себе в спальню и объясняла, почему так нехорошо делать. Папа с нами редко говорил о жизни и редко читал наставления. Но уж, когда говорил, это производило впечатление и хорошо запоминалось». – Там же. С. 63.

[66] «Дедушка встречал нас у входа, выслушивал приветствия, протягивал руку для поцелуя. Поговорив немного, дедушка подходил к шкафчику, доставал пакетики и наделял нас пряниками и черносливом. Через непродолжительное время мы прощались». –Там же. С. 39.

[67] Пономарева В. В., Хорошилова Л. Б. Мир русской женщины: воспитание, образование, судьба : XVIII – начало XX века. М. 2006. С. 99; Они же. Мир русской женщины: семья, профессия, домашний уклад. XVIII – начало XX века. – М., 2009. – С. 20.

[68] Куприянов Ф. С. Мои воспоминания: Детство и юность // Богородский край. Альманах. – 1996. – № 3. – С. 31, 33.

[69] Куприянов Ф. С. Воспоминания моей юности... С. 118, 134.

[70] Там же. С. 63, 103.

[71] Помимо уже упоминавшегося дедушки А. Ф. Елагина Ф. С. Куприянов называет бабушку Агафью Ананьевну (мать С. Г. Куприянова), дедушку Григория Дмитриевича (отец С. Г. Куприянова), живших в бабушкином доме тетей Сашу, Маню, Катю, Варю, дальнюю родственницу С. Г. Куприянова Марию Ивановну из с. Ямкино. В круг богородских родственников входила и большая молодежная компания – «Елагины Ивановичи и Сергеевичи,...Панфиловы – человек 25, а то и побольше». В Москве у Куприяновых жили родственники по линии Н. А. Куприяновой. Как пишет Ф. С. Куприянов, это сестры Н. А. Куприяновой тети Мария Анисимовна (ее дочери Саня и Лена), Вера Анисимовна; братья Н. А. Куприяновой – дяди Сергей Анисимович с «тетей Маней Алексеевной», Федор Анисимович, с «тетушкой Марией Федоровной». – Куприянов Ф. С. Воспоминания моей юности... С. 29, 36, 37, 41, 57, 58, 101, 105, 107, 108; Куприянов Ф. Мои воспоминания. Детство и юность // Богородский край. Альманах. – 1996. – № 4.

[72] Якушева Н. И. Жили-были москвичи. – М., 2004. – С. 70-71.

[73] Как пишет Ф. С. Куприянов, двоюродную бабушку Юлию Александровну поздравляли на второй день Пасхи после обедни. «Дядюшку Федора Анисимовича и тетушку Марию Федоровну», живших в своем доме в Москве на Старой Басманной, посещали два раза в год, на Пасху и Рождество. – Куприянов Ф. С. Воспоминания моей юности... С. 28, 106.

[74] На дедушкином «кирпичном» мы, пишет Ф. С. Куприянов «гуляли, составляли букеты, качались на качелях,...лазили на турнике и вообще веселились как могли. К вечеру на прощанье всегда играли в горелки». – Куприянов Ф. С. Воспоминания моей юности... С. 49

[75] Няня «была среднего роста, худощава лицом и телом. Облик ее излучал спокойствие. Она никогда не суетилась, и все дела шли у нее чередом. Она никогда не говорила громко, не кричала. Но, если расшалимся, то достаточно было несколько резонных слов для нашего успокоения». Когда все выросли, няня переехала к старшему брату Сергею Сергеевичу Куприянову в Павловский Посад, а потом в Орехово-Зуево и там вела хозяйство. – Куприянов Ф. С. Воспоминания моей юности... С. 42-43.

[76] Брянецев М. В. Культура русского купечества. Воспитание и образование. – М., 1999. – С. 66.

[77] Ф. С. Куприянов пишет: «Она была человеком особенным, и мы ее больше, чем уважали. Нас, разновозрастных учеников из одиннадцати детей, было у нее не менее четырех одновременно. Одни учили буквы, другие готовились к среднему образованию. Одним она диктовала, другим задавала задачу, у третьих наблюдала выполняемое. Эмма Васильевна всех нас выучила грамоте, мальчиков подготовила к среднему учебному заведению, а девочек к старшим классам гимназии». Зато летом на даче в Новой деревне было раздолье: «В Новой деревне Эммам Васильевна была, как наседка с выводком... Гуляли по лесу, собирали цветы, ягоды и грибы». – *Куприянов Ф. С. Воспоминания моей юности...* С. 43-44.

[78] Там же. С. 46, 14, 107.

[79] «Наши игры были очень простые: догонялки, прятки, салки, палочка-выручалочка, горелки. Но в них развивались физические данные, и смекалка». – *Куприянов Ф. Мои воспоминания. Детство и юность // Богородский край. Альманах. – 1996. – № 4.*

[80] «Снег мы очень любили, и, когда он выпадал, тотчас вооружались деревянными лопатами, помогая разгрести двор и накладывать снег на розвальни. Снег вывозили на Клязьму. Когда выпадало его много, ...то начинали строить гору... с нее было хорошо кататься». «Мы росли около народа, кучеров, лошадей и рано научились запрягать в немецкую и русскую запряжку, постоянно помогая кучерам». – *Куприянов Ф. С. Воспоминания моей юности...* С. 48, 51.

[81] *Якушева Н. И. Жили-были москвичи...* С. 50, 72.

[82] «Вставали мы в половине девятого. Убирали постель, умывались, молились и шли пить чай. Полагалось по две чашки чая с молоком и по пиленому куску сахара. К чаю полагался белый хлеб. Масла не давали. Мама редко присутствовала за чаем. Потом шли заниматься. Около часа обед. Тут уж собирались все, и мама, и папа. Стол был длинный. На торце всегда сидел папа. Накрывать стол к обеду было нашей обязанностью, «которая выполнялась с шумом и весельем»; «У нас была большая выдержка. И слово «нельзя» имело для нас непреодолимое значение»; «В богородском доме у нас была большая детская, и со старшими мы бывали редко»; На даче в Новой деревне «вечером было много всяких занятий. Поливка сада и огорода, загон цыплят, пилка дров, уборка травы и сена. Во всем этом мы принимали посильное участие». – *Куприянов Ф. С. Воспоминания моей юности...* С. 15, 22, 67, 92; «К самостоятельности нас приучали рано – сначала убирать постели, потом чистить сапоги, а потом выполнять поручения». – *Куприянов Ф. Мои воспоминания. Детство и юность // Богородский край. Альманах. – 1996. – № 2.*

[83] *Пономарева В. В., Хорошилова Л. Б. Мир русской женщины: семья, профессия, домашний уклад. XVIII – начало XX века. – М., 2009. – С. 96.*

[84] Горничная Даша, повариха Ивановна, возчик Артемий, городской врач и муж двоюродной сестры Р. С. Буткевич, предводитель дворянства богородского уезда А. Д. Самарин, сменивший его на этом посту Н. Н. Кисель-Загорянский, глава Глуховской мануфактуры А. И. Морозов, – все

они в той или иной степени оказали влияние на формирование социального опыта. – *Куприянов Ф. С. Воспоминания моей юности...* С. 45, 51, 54, 55, 57, 28.

[85] *Сысоева Е. К. Школа в городе // Очерки русской культуры. Конец XIX – начало XX века. Т. 1. – М., 2011. – С. 133.*

[86] *Ульянова Г. Н. Досуг и развлечения // Очерки русской культуры. Конец XIX – начало XX века. Т. 1. – М., 2011. – С. 457.*

[87] *Куприянов Ф. С. Воспоминания моей юности...* С. 97.

[88] Там же. С. 99-104.

[89] Там же. С. 106-107.

[90] Ф. С. Куприянов пишет в воспоминаниях: «В воскресенье после обедни, куда ходили дядя, тетя, Шурка и я, пили парадный чай, и мы с дядей отправлялись по выставкам. Это был расцвет передвижников. Я знакомился со всеми шедеврами, слушал суждения публики и все это впитывал. А выставки рукоделий московских дам? Они были поразительны по красоте и изяществу. Мы не пропускали ни одной. Когда не было выставок, прогуливались по Трубному рынку, заходили посмотреть на моржа, который, сидя в ванной, гасил свечку или водил по струнам подставленной гитары». – *Куприянов Ф. С. Воспоминания моей юности...* С. 107-108.

[91] *Долгих Е. В. Общественный быт // Очерки русской культуры. Конец XIX – начало XX века. Т. 1. – М., 2011. – С. 358.*

[92] *Куприянов Ф. С. Воспоминания моей юности...* С. 108-109.

[93] Там же. С. 51-52.

[94] См. подробнее: *Зайцева А. А. Дом в системе традиционных ценностей русского купечества // Журнал Института наследия [Электронный ресурс]. – 2015. – № 2. <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/2/28.html> (дата обращения: 10.03. 2016 г.)*

[95] *Якушева Н. И. Жили-были москвичи... С. 129-131, 133, 260, 272, 273, 394.*

[96] *Судьбы людей: Россия XX век. Биографии семей как объект социологического анализа. – М., 1996. – С. 35.*

[97] *Брянцев М. В. Культура русского купечества: воспитание и образование. – Брянск, 1999.– С. 7.*

[98] *Якушева Н. И. Жили-были москвичи... С. 17.*

Зайцева Анна Александровна,

кандидат исторических наук,

ведущий научный сотрудник, Российский научно-исследовательский институт

культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачева (Москва),

e-mail: a-zaitseva@mail.ru

UDC 94(47).083(908)

Zaytzeva A.

**Historical and cultural image of traditional family:
merchants Kupriyanovs from bogorodsk
(Part 2)**

Abstract. The memoirs of three generations of Kupriyanov merchants' family from the town of Bogorodsk (now Noginsk), Moscow region, form the basis of the article. The documents show history and everyday life of the family members, their traditional spiritual and social values that developed the resources of adaptation to the changing world

Key words: Culture, family, the Russian merchants, traditional values, everyday life, the Orthodox church, family cultural capital

Zaytzeva Anna Aleksandrovna,

PhD in History,

leading researcher, Russian Scientific Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after

D.Likhachev (Moscow),

e-mail: a-zaitseva@mail.ru